

Мы знакомы 35 лет. Это много.

Мы знакомы с того 1957 года, когда Алексей Козлов не был руководителем ансамбля «Арсенал» и героем блестящего монолога из спектакля «Взрослая дочь молодого человека» со ставшей ходячей фразой «И Козел на саксе!..» Когда его игру на саксофоне еще не описывали в своих произведениях Василий Аксенов... Тогда в Москву на Международный фестиваль молодежи и студентов съехались молодые, раскованные, разноязыкие и разноцветные люди, и для наших комсомольских идеологов наступил звездный час. Ох, какая же у них была ювелирно-топорная работа! Демонстрация широчайшего гостеприимства в сочетании с глубочайшей непримиримостью, с их раскованностью, шортами, жвачками, отсутствием лифчиков и, конечно, джазом.

А нам, тогдашним студентам архитектурного института, так хотелось его не только слушать, но и играть!.. Помнишь, Леша?..

— Он мне говорит!.. Я джаз любил до умопомрачения. Причем о том, чтобы играть, сначала не было и речи, нет, просто слушать. Это уже позже, в институте, мы собрали наш нехитрый бэнд... И за один месяц, методом тыка в эти бесчисленные, как тогда казалось, кнопки, и сравнивая возникающие до-ре-ми с фортепьяно, я постигал саксофонную грамоту. И искусство выживания... Как же приходилось выкручиваться! Помню, пьесу Джерри Мюлигана «Walking Shoes» я объявил, как произведение прогрессивного румынского композитора Мулиганеску. Райком проглотил не поперхнувшись... Ну как же! Прогрессивный композитор из страны народной демократии!.. И негр мог быть, но из развивающихся стран, сбросивших оковы... Главное, чтобы прогрессивный...

Странно, но я начал понимать, что мое призвание джаз сразу после того, как сбылась моя мечта — я стал студентом Московского архитектурного... В зале рисунка я вдруг стал ощущать, что педагогам все равно, как я рисую. И мне постепенно тоже стало все равно. А хотелось делать нечто такое, что не порождало бы равнодушия. И к концу 6-го курса я уже практически стал музыкантом-профессионалом.

Тут надо отметить одну странную, но прекрасную особенность Московского архитектурного института... Во всяком случае, тех времен. Как позже шутили — «институт готовит специалистов широкого профиля для всех отраслей народного хозяйства...» Ну, хозяйства не хозяйства, но культуры — это точно. Судите сами — архитектурный институт окончили: певица Ирина Архипова, кинорежиссер Георгий Данелия, поэт Андрей Вознесенский, театральные художники Борис Мессерер и Сергей Бархин, книжный дизайнер Михаил Аникст, чьи работы уже дважды получили международную золотую медаль «Лучшая книга года»... Музыкант и композитор Алексей Козлов... Позже, в новой волне — Андрей Макаревич... Ваш покорный слуга тоже окончил архитектурный институт, чтобы впоследствии стать фельетонистом. Все-таки там, Наверху, свой отдел кадров.

— Но, ты знаешь, — продолжал Алексей, — именно из-за того, что вся джазовая музыка была под запретом, была в подполье и приходилось рисковать, занимаясь ею, я чувствовал себя в элите. Во-первых, я сам набирал музыкальную эрудицию. Какими-то полуполюбопытными путями я доставал записи, книги о джазе, о джазовых музыкантах. И даже, слушая «их» радио, я приучил ухо отделять музыку от глушилки... Затем элитарность я ощущал в том, что, как сейчас принято говорить, находился в оппозиции. Большинство плыло по официальному течению, по этому идеологическому фарватеру, а я греб против. Это привносило в жизнь налет героизма и привкус

реального риска... Причем не только в музыке. Мы хранили в доме книжки, за которые полагался срок, и передавали их знакомым, в которых были уверены...

Это и была та доля риска, без которого жизнь уныла, как полонез Огинского. А сейчас, когда все разрешили, осталось уважение к себе за прошлые позиции, за то, что не сломались, не продались, не сфальшивили... А ведь, казалось бы, уступил, и все будет «о'кей»: пластинки, площадки, контракты... Мало того, что до смехотворного минимума урезались зарубежные композиторы, но и свои вещи не давали играть... «Почему вы не играете советских композиторов?» Я говорю: «Так это ж моя вещь, я, по-вашему, кто?» «Вы не советский композитор», — отвечали, — вы не член Союза композиторов».

— Но сейчас ты уже член Союза композиторов?

— Да. Меня приняли в 1986 году. Легализовался. Все можно, поэтому противопоставление себя и своего искусства чему-то официальному — бессмысленно. Смотри, слушай и играй что хочешь!

— Это плохо?

— Я не могу сказать, что это плохо. Это даже прекрасно. Плохо, когда запрет и гонения.

— Знаешь, мне вспомнился эпизод, происшедший лет 8—10 назад. Я ехал из Ногинска, и мне проголосовали три молоденьких солдата, попросили подвезти. Оказалось — они из музыкальной команды. Возник музыкальный разговор, и я не удержался и рассказал, что в молодости тоже играл на тромбоне в первом оркестре Алексея Козлова. «Знаете, — говорю, — тако-го?»...

Еще бы им не знать Козлова! Я вырос в их глазах и пропорционально в самомнении. Они перечислили все твои составы, когда и куда ушел клавишник Горский, когда и откуда пришел гитарист Куликов... Что ты иг-

рал пять лет назад, что ты играешь сейчас... «А вначале, — говорю, — нам приходилось очень туго». «Это почему?», — спрашивают. «Как, — говорю, — почему?.. Пятидесятые годы, инерция сталинского режима...» Недоумевают. Пришлось им еще втолковать, что же это был за режим и кто стоял во главе.

Случай, конечно, гипертрофированный, но заставляет задуматься над тем, что все наши временщики, обвешанные орденами и званиями, не стоят «и самой ломаной гитары» и память о них канет в Лету. Кто сейчас помнит фамилию генерал-губернатора того времени, когда пел Шалапин и играл Рубинштейн?.. Далеко?.. Но так же не будут помнить или путать министра культуры времен ранней Пугачевой или позднего Гаряяна.

— За это нас и зажимали, — как с листа прочел мои мысли Леша, — мстили авансом.

— Но мы держались до последнего бемоля! — патетически добавил я, хотя на «мы» уже не имел права. — Ладно, ну их всех, поговорим о музыке... Вот ты за 35 лет прошел все стадии джаза...

— Да, я играл практически во всех стилях. От традиционного «мэйнстрима», потом «би-боп», затем «кул»... Вот в архитектурном мы как раз играли «кул»... Потом «хард-боп», «И-Си-Эм»... Атональный джаз играл... Затем перешел на джаз-рок, на «фанки»... И на хип-хоп частично... Это вот как раз «брейк-данс». Но «фанки» у меня проходило через все стили, мне нравилась такая зафанкованная музыка... А сегодня, когда все разрешено и к нам хлынула массовая культура, то наша молодежь набросилась на нее, не разбирая, что все это уже давно протухло. А они считают, что открыли новую музыкальную страницу. И то же во всем остальном — кино, видео, литература: порнуха, кривизна, дешевые детективы и анжелики...

У нас сейчас и на радио, и по ТВ, и на площадках прослушивается и просматривается возврат к старой советской эстраде.

— К «Ландышам»?

— В принципе — к ним. Только к наивному аромату ландышей примешался запах вредных выбросов.

— Но, может быть, каждая нация, или регион, или страна, или даже эпоха тяготеют к какому-то своему запаху, своему гармоническому ряду? В Китае — свой, в Бразилии — свой...

— Да. Что есть — то есть. И джаз, конечно, не везде привился. Ну, скажем, во Франции или Италии. Но Россия, как это ни странно, в музыкальном отношении наиболее близка к Америке. У нас и блюзовое чувство есть, и ритмическое... Но, конечно, тут намешалось много романсово-цыганского. И еврейско-местечковых музыкальных тем. Все это слилось в некое «ум-ца, ум-ца», со слезливостью.

— Чтoб можно было рвануть рубаху до пупа...

— Да, что-то тут сидит генетическое. Действительно, трудно пробить один вид искусства на все страны. Скажем, опера возникла в Италии. В России прижилась, и очень. А где-то — нет, не пошло дело... Вся инструментальная, симфоническая музыка — тут немецкие родители... Балет — французский, а как расцвел в России!.. Гармошка, все эти кадрили — австрийские истоки... И мы вполне освоили и блюзовое ощущение.

— Ну а так, что нового?

— Нужны новые меценаты. Иначе нам, музыкантам, крышка. У меня есть надежда, что новое поколение нуворишей породит меценатов, которые помогут мне возродить «Арсенал»... Нам просто перестали платить деньги в филармонии, и на этом все закончилось. Это ведь был единственный в своем роде коллектив, в котором все гармонично, отлажено и смазано, как в дорогих часах... В нем работали

профессионалы своего дела... И вот этот «Арсенал» распался, потому что не мог себя окупить. Не выдержал экономической блокады ни один из наших известных джазовых ансамблей, таких, как «Аллегро» Николая Литвинова, или «Каданс» Германа Лукьянова. Ну, посуди сам: аренда зала стоит больше, чем выручка от полного зрительного зала. Солидный концертный зал, такой, как «Россия», берет за аренду порядка 100 тысяч. Две с половиной тысячи мест. Если даже по 30 рублей билет — это 75 тысяч. Как работать?.. Поэтому, если сейчас нашлся бы такой спонсор, который согласился бы платить зарплату, скажем, восьми человекам, включая звукорежиссера, он стал бы обладателем первоклассного, на европейском уровне оркестра и мог бы, и образно говоря и буквально, заказывать музыку. А также иметь рекламу — «это оркестр такой-то фирмы». Так же, как, скажем, есть «Мальборо-бэнд» — со звездами американского джаза уровня Рэя Брауна...

Но это наше первое поколение нуворишей еще не поднялось от обычного спонсорства к меценатству, они хотят сегодня же, сию минуту получить вложенное обратно...

Уехать?.. Это такое почетное бегство, но все же бегство с поля боя... А вот здесь попробовать, здесь!.. Кстати, Центральный дом архитектора, наша с тобой альма-матер...

— Если дом, то лучше — фатер...

— Так вот с этим фатером идут сейчас переговоры об открытии при ресторане джаз-клуба в рамках уже открытого в ЦДА мужского делового клуба. После одиннадцати вечера. То есть уже без стука вилок и ножей, тостов и прочих аксессуаров... Напитки, орешки, кофе и — музыка. Люди пришли пообщаться и послушать музыку.

— Можно же приглашать и приезжих!

— В том-то и дело, конечно! Тут могут быть и джем-сешн, и тематические вечера. Скажем, памяти Дюка Эллингтона... Короче, как я уже сказал, джаз-клуб.

— А что говорит директор дома Евгений Ольшанский?

— Настроен оптимистически. Кстати, вот еще одна личность из того же ряда — директор, удачно окончивший все тот же архитектурный институт. Он вообще человек деловой и думающий, так что хочется надеяться, что к сентябрю мы все же что-то организуем и постараемся, чтобы не глохло, а развивалось.

Вот, казалось бы, вопрос ясный и простой, как гамма в до мажоре — ни единой черной клавиши: есть Дом архитектора, самый, пожалуй, прогрессивный из всех творческих домов. Есть ресторан, который, поработав на желудок до 22 часов, может превращаться в джаз-клуб без горячей еды и танцев. Есть первоклассные музыканты, готовые играть до двух ночи. И можно гарантировать слушателей, которые без стадионного ора и разгула будут слушать и получать удовольствие.

Сумеет ли кто-нибудь запутать этот чистый вопрос и превратить его в какофонию?..

Может, и сумеет, народ у нас талантливый!..

Поэтому у нас постоянное диалектическое противоборство талантов: высокого и криминального, таланта созидать и таланта препятствовать этому созиданию... Поэтому в ситуации, когда все можно, параллельно с розами отрастают немыслимые шипы!..

И все же прав Козлов, сказавший как-то: «Я приемлю только один способ и борьбы и существования: умеешь что-то делать — делай. Делай почти по принципу Ференца Листа — лучше, еще лучше, лучше, как только возможно... Еще лучше. И пусть будет, что будет».

Наверно, будет хорошо...
Беседовал
Юрий СОКОЛОВ.

1992 июнь
Козлов А.